

# РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Протоиерей Владислав Цыпин

доктор богословия, доктор церковной истории  
профессор Московской духовной академии  
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия  
ladislaus@rambler.ru

**Для цитирования:** *Цыпин В. А., прот.* Религиозный фактор этнической идентификации // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 37–47

## **Аннотация**

УДК 348.6

Дефиниция понятий «этнос» и «нация» является проблематичной для современных исследователей. В статье анализируется религиозная составляющая такой дефиниции, прослеживается логика исторического развития понятия «этнос» и его современная интерпретация в межэтнических и межконфессиональных отношениях.

**Ключевые слова:** этнос, национальность, нация, история Римской империи, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев.

**П**онятие «этнос», или «национальность», в отличие от «нации», в наше время обычно отождествляемой с гражданской принадлежностью, иными словами, с государством, не поддаётся однозначному определению, притом что этническая самоидентификация, за исключением отдельных случаев, связанных со смешанным этническим происхождением или билингвизмом, не вызывает затруднений. Правда, такая субъективная идентификация может представляться спорной при её объективной оценке, например, принадлежность к некоему субэтносу может самим субъектом восприниматься как принадлежность к самостоятельному этносу — в разные периоды российской истории в казачьей среде возникало представление о том, что они образуют отдельную национальность. Но и с научной точки зрения не всегда очевидно, на какой уровень этнологической таксономии следует поставить ту или иную этническую группу. В пример можно привести польских кашубов, латгальцев, лемков, галисийцев — это этносы или субэтносы; с каталонцами, насколько мне известно, всё стало ясно, хотя при генералиссимусе Франко признание существования каталонской национальности соприкасалось с областью уголовного права.

При этом в этнологической науке имеются самые разные определения этноса. В позднесоветскую эпоху с её мировоззренческой эклектикой под маской формальной приверженности марксизму в этнологии доминировала концепция академика Ю. В. Бромлея, который предлагал следующую дефиницию: «исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)».<sup>1</sup>

Продуманное и обоснованное определение, учитывающее разные стороны описываемого явления, но поскольку в нём нет акцента на социально-экономическом факторе, который в ту пору ставился во главу угла, то определяемый таким образом объект пришлось назвать не этносом, а специально придуманным термином «этникос», нечто вроде «этничности», а этнос у Ю. В. Бромлея — это только часть этникоса: «этносоциальный организм», существующий на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования (см. там же), иными словами, в пределах одного государства или иного политического образования с ограниченным суверенитетом: колонии,

1 Бромлей Ю. В. Очерки истории этносов. М., 2008. С. 440.

доминиона, протектората. Очевидно, что этносом (национальностью) в общепринятом смысле слова является всё же то, что Ю. В. Бромлей называл этникосом, потому что в противном случае пришлось бы русских, проживающих на территории разных государств, считать разными этносами, но хорошо известно, что русские ныне — это самый большой из этносов, разделённых государственными границами, подобно тому как 30 лет назад таким разделённым этносом, а не этникосом были немцы, не разделившиеся на две разных национальности.

Существование политической национальности австрийцев, бесспорно, а вот существование отдельной австрийской национальности, австрийского этноса представляет проблему для исследования. Этническими немцами (Volksdeutschen) принято также называть немцев, проживающих в Польше, России или Румынии, предки которых обосновались в этих странах сотни лет назад, независимо от того, приехали они из Баварии, Саксонии или из австрийского Тироля.

Дефиниция этноса у Ю. В. Бромлея включает также указание на стабильные культурные особенности, включая язык. Понятие «культура» полисемично, в разных концепциях словом «культура» обозначаются разные явления, так что его включение в определение этноса не вносит дополнительной ясности и однозначности, но язык действительно служит основным индикатором национальности, или этноса. В большинстве случаев для обозначения этноса и языка, которым он пользуется, служат одни и те же названия: казахский язык и казахский этнос, португальский язык и португальский этнос, удмуртский язык и удмуртский этнос.

Подобных примеров можно привести тысячи. Но полного тождества между этнической принадлежностью и родным языком всё же нет. Едва ли можно считать этническими французами жителей Гаити, говорящих на французском языке. Таким образом, в разных случаях для идентификации этноса приобретают значение и другие дополнительные факторы, например территориальный, антропологический, или расовый, культурно-бытовой, бихевиористский — стереотип поведения, принципиальную значимость которого в своё время подчеркивал знаменитый этнолог и тюрколог Л. Н. Гумилёв.<sup>2</sup>

Среди дополнительных идентификаторов этнической принадлежности на первое место по важности следует поставить фактор религиозный, или конфессиональный, который в одних случаях характеризует

2 Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. доктора геогр. наук. профессора В. С. Жекулина. 2 изд., испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

выделяемый в рамках этноса субэтнос, в других дифференцирует говорящих на одном языке лиц на уровне этноса, в-третьих, служит своего рода интегратором на суперэтническом уровне. Влияние религиозного фактора как индикатора этнической принадлежности в разные эпохи, в рамках разных цивилизаций имеет разный масштаб, но не следует полагать, что со временем его значение падает. В одних цивилизациях, вроде западноевропейской и её дочерней североамериканской филиации, падает, а в других, как раз наоборот, растёт, например на Ближнем Востоке на суперэтническом уровне.

Высказанные здесь соображения целесообразно иллюстрировать на историческом материале, почерпнутом из этнической истории Римской империи.

IV столетие явилось одним из самых динамичных периодов в истории Средиземноморья и Европы. Менялся этнический состав населения Римской империи. Главным фактором перемен был усилившийся наплыв в её пределы германских варваров, в особенности восточных германцев – готов, скиров, бургундов, герулов, гепидов, процесс романизации которых был заторможен принятием ими христианства в его арианской версии, в отличие от коренных римских граждан, которые, в особенности на западе, но в конечном счёте также и на востоке, приняли Никейский символ. Арианство стало своего рода национальным исповеданием германских федератов, поселившихся в империи, в основном на Балканах и в придунайских провинциях, а позже переправившихся на запад. Обосновавшись на территории империи, варвары со временем усваивали латинский или греческий язык, забывали родную речь, но арианское исповедание препятствовало их окончательной ассимиляции. Вместе с германскими племенами в том же статусе федератов обосновались в империи и ираноязычные сарматы, среди которых доминировали аланы. Был ещё один фактор трансформации этнической карты Балкан, коснувшийся ареалов употребления классических языков.

Перемещение императорской резиденции на берег Босфора привело к переселению в новую столицу из Рима латиноязычных сенаторов, чиновников, офицеров. Статистически число переселенцев было незначительно, но созидание Нового и при этом изначально латиноязычного Рима на месте греческого Византия повлекло за собой ускоренную латинизацию не грекоязычного, разумеется, элемента, но балканских фракийцев – даков, а также новых переселенцев на Балканы из-за границы, так что баланс латинского и греческого языка как одного

из средств романизации и ассимиляции на Балканах сместился в сторону языка латинского. Жители Константинополя и примыкающей к нему Фракии в первые века существования столицы были по преимуществу действительно римлянами, а не грекоязычными ромеями, каковым они стали в позднейшую эпоху.

Одним из современных свидетельств этого обстоятельства является даже не столько присутствие на Балканах румын, прямые предки которых поселились в Придунавье относительно поздно, в средние века, ранее занимая в основном Карпатский регион – Трансильванию, сколько островки расселения близкородственных им арумын, влахов и куцевлахов в современных Греции, Болгарии, Албании, Македонии и Сербии. Ещё один след доминирования латинского языка за пределами коренной Эллады и Македонии заключается в славянском этнониме, служащем для обозначения эллинов, — греки. Прорвавшие в VI веке балканский лимес славяне могли научиться именно так называть эллинов не у кого иного, как у их латиноязычных соседей, живших к северу от Эллады и Македонии.

Исторически переломный характер IV столетия главным образом связан всё же не с этническим сдвигом — такие сдвиги Европа и Средиземноморье в прошлом переживали многократно — а с тем, что это была эпоха одряхления и угасания язычества и рождения христианского государства и христианского общества, которое, выйдя из подполья, где его держали прежде, вбирало в себя мир, ранее языческий, а теперь поклонившийся Христу. В религиозном отношении общество представляло собой в IV веке пёструю мозаику: с одной стороны, оставались ещё язычники, принадлежавшие к образованным классам, упорствовавшие в своём неприятии христианства из-за приверженности традиции, из римского патриотизма, из-за погружённости в мир философской или поэтической классики, но язычество прочно держалось также и в сельской глубинке: крестьяне, на латинском языке *pagani* («поганые», то есть язычники наших древнерусских памятников) преобладали ещё среди сельского населения, особенно на западе.

В V веке римское общество стало уже по преимуществу христианским. Рудименты язычества, не затронутого христианским благовестьем, не исчезли совершенно, но в городах приобрели маргинальный и экзотический характер. В сельской глубинке, особенно на периферии империи, оставалось ещё немало не крещёных крестьян, *pagani*. Особенный класс жителей империи составляли федераты, в основном из разноплемённых германцев, среди которых встречались и язычники,

и православные христиане, но, как и в предшествующем веке, их своего рода национальным исповеданием оставалось арианство. В столице на Тибре доживали свой век последние из сенаторов, державшихся за исконную религию Римской республики, в чём они находили один из источников возгревания своей сословной спеси. В Афинах ещё не была закрыта академия, в которой по преимуществу преподавали язычники.

Греко-римское общество в V столетии сохраняло высокий культурный уровень античной цивилизации везде, где оно не подверглось деформации в результате варварских завоеваний, массового проникновения варваров или прямых разрушений и истребления местного romanized населения. Самый удручающий пример выкорчевывания развитой культуры явлен был в Британии, но тяжёлые утраты понесли также придунайские и альпийские провинции, Африка, в меньшей мере Галлия и Испания, варваризации подверглась даже Италия. Но там, где сохранялась сложившаяся структура позднеантичной цивилизации, уровень массовой культуры оставался на высоте, совершенно не сопоставимой со средневековой Европой. Римский народ, в особенности на востоке империи, оставался в преобладающем большинстве народом грамотным, это в полной мере относится к горожанам, но и среди сельских жителей грамотные люди не представляли собой исключения.

В середине I тысячелетия, при святом императоре Юстиниане, Запад Римской империи, захваченный германцами, поделившими его на варварские королевства, лежал в руинах. Там сохранились лишь островки и осколки эллинистической цивилизации, к тому времени уже преображённой светом Евангелия. Германские короли, кафолические, арианские, языческие, сохраняли ещё пиетет перед римским именем, но центром притяжения для них был уже не полуразрушенный и обезлюдивший город на Тибре, а Новый Рим, созданный творческим актом святого Константина на европейском берегу Босфора, культурное превосходство которого над городами Запада было бесспорной очевидностью.

Исконно латиноязычные, а также латинизированные жители германских королевств постепенно усваивали себе этнонимы своих завоевателей и господ — готов, бургундов, франков. В то же время римское имя стало к тому времени привычным для былых эллинов, уступивших свой исконный, питавший в прошлом их национальную гордыню этноним «эллины» в ту пору уже малочисленным на востоке империи язычникам. Парадоксальным образом впоследствии у нас на Руси, по крайней мере в писаниях учёных монахов, «еллинами» именуется язычники любого происхождения, хотя бы и самоеды.

Римлянами, или, по-гречески, ромеями, называли себя не только греки, но и выходцы из иных народов — армян, сирийцев, коптов, при наличии как минимум трёх условий — если они владели греческим языком и вследствие этого были приобщены к культуре преобладавшего в империи этноса, если они исповедовали православное христианство, в противоположность арианам, несторианам, иудеям, самарянам, зороастрийцам, манихеям и язычникам (эллинам) (разрыв общения с монофизитами лишь со временем приобрёл значимость для этнической идентификации, если, конечно, речь идёт о грекоязычных приверженцах монофизитства), и наконец, ромеями могли быть лишь граждане или подданные Римской (Ромейской) империи, которая отождествлялась в имперском самосознании с эйкуменой — вселенной, не потому, конечно, что они воображали на её границах край света, а потому, что мир, лежащий за этими границами, лишён был в сознании ромеев полноценности и самооценности, и в этом смысле принадлежал крошечной тьме — меону, нуждаясь в просвещении и приобщении благам христианской римской цивилизации, нуждаясь в интеграции в подлинную эйкумену, или, что то же, в Римскую империю.<sup>3</sup>

С этих пор новокрещёные народы, независимо от своего реального политического статуса, уже в силу самого факта крещения, считались включёнными в имперское тело, а их правители из варварских суверенов становились племенными архонтами, полномочия которых проистекают от императоров, на службу которым они, по крайней мере символически, поступали, удостоиваясь в качестве вознаграждения чинов из дворцовой номенклатуры.

VII столетие, время правления Ираклия и Ираклидов, составило переломную эпоху в истории империи. Под властью этой не греческой, но армянской по происхождению династии Романия была окончательно эллинизирована, пережив метаморфозу, которую символически можно обозначить как превращение её из мировой сверхдержавы в государство ромеев, сохранивших в качестве этнонима римское имя, но уже не только в быту, а и официально, в канцеляриях самого высокого уровня употреблявших эллинский, греческий язык.

Границы империи к концу столетия изменились радикальным образом. Утрачены были Египет и Ливия, из имперского лона выпали Сирия с Палестиной, верхняя Месопотамия, Армения, за исключением

3 Подробное описание ситуации описано в нашем исследовании: *Цыпин В., протоиерей. История Европы: дохристианской и христианской: в 16 т. Т. 7: Новый Рим — центр Вселенной. М., 2016.*

её эллинизированной западной окраины; потери понесены были в восточной Анатолии и на Кавказе. Эти земли отошли к халифату. Болгары, авары и славяне потеснили ромеев на Балканах. Границы там были зыбкими, пульсирующими; некоторые земли многократно переходили из рук в руки, и хотя имперский контроль в виде присутствия гарнизонов распространялся и на земли, плотно заселённые славянскими племенами, вроде Македонии и Пелопонесса, но этот контроль носил поверхностный характер, вполне реальным он оставался лишь там, где в местном населении был очевидный перевес грекоязычного, как во Фракии, Аттике, на Крите и островах Архипелага, или латиноязычного элемента — по берегам Адриатики.

Латиноязычные островки на востоке Балкан, составившие впоследствии базис для формирования народностей вlahов, молдаван, арумынов, располагались уже в основном за границами Ромейской империи, в славянском окружении. На западе империи всё ещё принадлежали острова: Балеарские, Сардиния, Корсика, Сицилия, но Испания была утрачена навсегда, а в Италии имела место чересполосица территорий имперских и лангобардских, которые преобладали на севере, где лангобарды владели Миланом, Павией, Вероной, но они присутствовали и на юге полуострова, в основном вокруг Беневента, где эти варвары построили хотя и примитивную, но способную выдержать длительную осаду крепостную стену, сохранившуюся и по сей день. В результате утрат империя обрела большую, чем прежде, монолитность, стала более гомогенной в национальном и ещё более в религиозном отношении. После отпадения монофизитских Египта и Армении, а также Сирии, где ощутимо было присутствие монофизитского элемента, после провала изобретённой по недоразумению монофелитской ереси, православие стало исповеданием значительного большинства имперских подданных. Древние культурные народы Востока, говорившие на коптском и сирийском языке, а также большая часть армян, сохранивших родной язык и приверженность национальной монофизитской церкви, оказались за новыми границами империи.

Языковую ситуацию мало меняло присутствие в Эпире не латинизированных иллирийцев, предков современных албанцев, а также инфильтрировавших славяноязычных и тюркоязычных варваров, поскольку внутри империи они подвергались эллинизации, подобно тому как ранее латинизированы были готы, бургунды и другие германоязычные варвары на западе. Доминирование греческого языка в империи в эпоху Ираклидов не встречало уже конкуренции



и со стороны латыни, вытесненной из канцелярского употребления и лишь на время удержавшейся в войсках. В Константинополе в VII столетии по-латыни умели говорить уже лишь эрудиты, а также гости из Италии или африканские беженцы. В Сицилии и на юге Апеннин имело место приблизительное равновесие латиноязычия и грекоязычия, а обитатели оставшихся в составе империи латиноязычной Далмации, имперских владений в центральной Италии и островов Западного Средиземноморья не составляла значительной доли в населении империи.

Таким образом, суммируя и обобщая сведения об этническом составе Ромейской империи в ранний период её существования, можно утверждать, что к ромейскому этносу принадлежали в ней носители греческого языка, включая и эллинизированных армян, сирийцев, иллирийцев, фракийцев, готов и выходцев из других германских, а также славянских и тюркских этносов, подвергшихся эллинизации и исповедовавших православие, в отличие от иудеев, мусульман, язычников, ариан, манихеев. Латиноязычные жители империи православного исповедания составляли другой этнос — *romani* (римляне или романцы) в рамках тогда ещё единого суперэтноса православных христиан, или, что то же, кафоликов, в отличие от иноверцев и еретиков. В варварских королевствах Запада происходили сложные процессы этнической конвергенции и дивергенции, связанные с языковой романизацией варваров-завоевателей, с одновременным обращением их из язычества (во Франкском королевстве) или из арианства (королевство лангобардов в Италии и вестготов в Испании) в православие, но также и с изменением этнического самосознания исконных носителей латинского языка, усваивавших себе этнонимы господствующих народов.

Так, во Франкском королевстве франками называли себя не только сохранившие германоязычие франки и потомки романизированных франков, но и сохранившие латинскую речь (это была, конечно, уже вульгарная латынь, из которой позже вырос французский язык) галло-римляне, жившие в северной части страны и усвоившие себе этноним завоевателей, в то время как галло-римляне французского юга, на значительно более обширной территории, чем современный Лангедок, по крайней мере до эпохи Карла Великого,<sup>4</sup> а местами и позже, продолжали называть себя римлянами, или романцами, в трансформированном виде рудимент этого обособления сохраняется и по сей день: жители бывшей римской Провинции и ныне остаются провансальцами,

4 Эйнхард. Жизнь Карла Великого. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

представляя собой, вероятно, всё-таки особый этнос, во всяком случае субэтнос в рамках французской нации.

Из приведённых здесь сведений видно, что религиозный фактор в процессе этнических сдвигов имел решающее значение вслед за фактором лингвистическим. Необходимо при этом уточнить, что этнически значимым феноменом является не индивидуальная перемена религии, но обращение значительных человеческих общностей, суперэтносов или этносов. Значимость религиозного фактора этнической идентификации особенно очевидна применительно к средневековью, но он не утратил значения и в новое время. В Османской империи миллеты, основанные на вероисповедании подданных, безусловно, являлись и общностями, не лишёнными этничности. Туркоязычные православные греческого патриархата, которых называли караманлисами, принадлежали не только к одному миллету с грекоязычными православными, но и в их собственном восприятии и в восприятии со стороны составляли одну национальность, которая по-прежнему именовалась римской, но только уже не на греческом, а на турецком языке — рум.

И в настоящее время туркоязычные греки Грузии, живущие или ввиду их массовой эмиграции уже только жившие ранее по берегам озера Цалка, безусловно считаются греками, несмотря на свой язык. В то же время, принимая ислам, греки, армяне, балканские славяне, сирийцы, евреи в Османской империи утрачивали принадлежность к своему бывшему миллету и входили в исламскую умму. При этом этническая принадлежность их потомков зависела и зависит ныне также и от усвоения ими турецкого языка или сохранения языка предков. Так, в современной Болгарии туркоязычные мусульмане, независимо от своего происхождения, являются этническими турками, в то время как болгароязычные мусульмане, помаки, составляют, вероятно, особый субэтнос болгарского этноса. В российском Дагестане проживают ираноязычные таты христианского, исламского и иудейского вероисповедания. При этом христиане и мусульмане рассматриваются как таты, в то время как таты-иудеи всё же чаще по отношению к самим себе употребляют иной этноним — горские евреи. Разительным пример значимости конфессионального фактора в этнической идентификации является то обстоятельство, что в Белоруссии поляками принято считать католиков, независимо от того, владеют они или не владеют польским языком.

## Библиография

- Эйнхард. Жизнь Карла Великого. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
- Бромлей Ю. В. Очерки истории этносов. М., 2008.
- Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. д-ра геогр. наук. проф. В. С. Жекулина. 2 изд., испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Цыпин В., прот. История Европы: дохристианской и христианской: в 16 т. Т. 7: Новый Рим — центр Вселенной. М., 2016.

## The Religious Factor of Ethnic Identification

### Archpriest Vladislav Tsypin

Doctor of Church History, Doctor of Theology

Professor of Moscow Theological Academy

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

ladislaus@rambler.ru

**For citation:** Tsypin Vladislav, archpriest. "The Religious Factor of Ethnic Identification". *Praxis*, vol. 2, no. 2, 2019, pp. 37–47

**Abstract.** The definition of concepts of ethnos and nation is problematic for modern researchers. In article the religious component of such definition is analyzed, the logic of historical development of the concept "ethnos" and its modern interpretation in the interethnic and inter-faith relations is traced.

**Keywords:** ethnos, nationality, nation, history of the Roman Empire, Yu. V. Bromley, L. N. Gumilyov.